

Къ которому тебя воззвало Провидѣнье,
 Хранить въ душѣ своей законъ Его святой
 И пѣть хвалу Ему—вотъ долгъ, вотъ жребій твой!
 Природа въ красотахъ изящна, совершенна;
 Какъ Богъ, она мудра, какъ время—неизмѣнна.
 Смирись предъ ней, роптать напрасно не дерзай,
 Разящую тебя десницу лобызай!
 Свята и милуетъ она во гнѣвѣ строгомъ;
 Ты быліе, ты прахъ, ты червь предъ мощнымъ Богомъ. —
 И ты, и червь равны предъ взорами Его,
 И ты произошелъ, какъ червь, изъ ничего...
 Ты возражаешь мнѣ: «законъ уму ужасный
 И съ промысломъ души всемірной несогласный!
 Не сущность вижу въ немъ, но лъстивую тщету,
 Чтобъ въ смертныхъ вкоренить о счастіи мечту,—
 Тогда какъ горестей не въ силахъ мы исчислить...»
 Байронъ! Возможно-ль такъ о Непостижномъ мыслить,
 О связи всѣхъ вещей, превыспреннемъ умѣ?
 Мы слабы. Какъ и ты, блуждаю я во тьмѣ;
 Творецъ—художникъ нашъ, а мы—Его машины:
 Проникнемъ-ли Его начальныя причины?
 Единый Тотъ, Кто могъ все словомъ сотворить,
 Возможенъ мудрый планъ природы изъяснить!
 Я вижу лабиринтъ, вступаю—и теряюсь;
 Ищу конца его—и тщетно покушаюсь;
 Текуть дни, мѣсяцы унылой чередой,
 Тоска смѣняется лютѣйшею тоской...
 Въ границы тѣсныя природой заключенный,
 Свободный, мыслящій, возвышенный, надменный,
 Неограниченный въ желаньяхъ властелинъ,—
 Кто смертный есть, скажи?—Эдема падшій сынъ,
 Сраженный полубогъ!.. Лишась небесъ державы,
 Онъ не забылъ еще своей минувшей славы; —
 Онъ помнитъ прежній рай, клянетъ себя и рокъ;
 Онъ неба потерять изъ памяти не могъ...
 Могуцій—онъ паритъ душой въ протекшія годы,
 Безсильный—чувствуетъ всѣ прелести свободы,
 Несчастный—ловить лучъ надежды золотой
 И сердце веселитъ отрадною мечтой;
 Печальный, горестью, уныніемъ убитый,
 Онъ схожъ съ тобой, онъ—ты, изгнанникъ знаменитый!
 Увы, обманутый коварствомъ сатаны,
 Когда ты исходилъ изъ милой стороны,